

Каждый человек может анализировать историю и учиться на её ошибках!

Информация об авторе: *Жабина Марина Викторовна* – студент, кафедры философии и методологии науки, Иркутский государственный университет, г. Иркутск; e-mail: mayakmv@yandex.ru

Author: *Zhabina Marina Viktorovna* – student, Department of Philosophy and Methodology of Science, Irkutsk State University, Irkutsk; e-mail: mayakmv@yandex.ru

УДК 1.101.9

Л.А. Литвякова

АНАЛИЗ АВТОБИОГРАФИИ Н.А. БЕРДЯЕВА «САМОПОЗНАНИЕ»

Для данной статьи была выбрана автобиография представителя экзистенциализма в русской философии, Николая Александровича Бердяева. В работе выражены основы философского мировоззрения русского мыслителя, его рассуждения о культурных веяниях его времени, о переживании времени. В то же время органично переплетаются элементы биографии философа и его размышлений, поэтому ее нельзя назвать классической автобиографией. Автор называет ее философской, в ней запечатлена его история духа и самопознания. Актуальность данной работы состоит в том, что Бердяев стоял у истоков либерального течения в России, был выразителем идеалистических взглядов, борцом за свободу личности и духа. Перед нами стоит необходимость решения таких задач, как рассмотрение главных философских идей Бердяева, его взглядов на жизнь, общественно-политическую ситуацию в стране, на судьбы русского народа, его предназначение. Также нам необходимо проанализировать роль философии Бердяева в русской философии в целом. Таким образом, на сегодняшний день представляется важным переосмыслить бердяевское наследие. Это нужно также и для того, чтобы уметь анализировать происходящее в контексте созданной им философии.

Ключевые слова: дух, самопознание, свобода, экзистенциализм, религия, русская философия.

ANALYSIS OF N. A. BERDYAEV'S AUTOBIOGRAPHY «SELF-KNOWLEDGE»

For this article the autobiography of the representative of existentialism in Russian philosophy, Nikolay Alexandrovich Berdyaev was chosen. The work

expresses the foundations of the philosophical Outlook of the Russian thinker, his arguments about the cultural trends of his time, about the experience of time. At the same time, the elements of the philosopher's biography and his reflections are organically intertwined, so it can not be called a classic autobiography. The author calls it philosophical, it captures his history of spirit and self-knowledge. The relevance of this work is that Berdyaev stood at the origins of the liberal movement in Russia, was an exponent of idealistic views, a fighter for the freedom of the individual and the spirit. We are faced with the need to solve such problems as the consideration of the main philosophical ideas of Berdyaev, his views on life, the socio-political situation in the country, the fate of the Russian people, its purpose. We also need to analyze the role of Berdyaev's philosophy in Russian philosophy as a whole. Thus, today it is important to rethink Berdyaev's legacy. This is also necessary in order to be able to analyze what is happening in the context of the philosophy he created.

Keywords: spirit, self-knowledge, freedom, existentialism, religion, Russian philosophy.

У Бердяева собственное мироощущение выражено чувством отчуждения к реальному миру и жизни, к родовым связям, но более всего склонно к романтизму, хотя само понятие романтизма философ считает неопределенным. Свое мировоззрение он связывает со своим аристократическим происхождением. Его родители имели связи с влиятельными людьми, его предки прославились на служебном поприще. По наследству от них Бердяев получил «русское барское свойство», вспыльчивый и гневливый темперамент. По его мнению, душевно и душевно-телесные свойства содержат в себе наследственное.

Автор всегда чувствовал себя в оппозиции к феодально-аристократическому миру. Во время учебы в Киевском кадетском корпусе он старался избегать общество сверстников, не проявлял ни к кому товарищеских чувств, стремился к индивидуализму. Тогда же и почувствовал в себе интерес к философии, однако сознал себя неспособным к учебе, к пассивному усвоению и запоминанию. Умственный процесс, по его мнению, должен был идти от него самого, способствовать самостоятельному развитию мыслей. Логично, что в отношении педагогики Бердяев признавал себя автодидактом, борцом за свободу своего приобщения к мировому знанию [1].

Стремясь к интеллектуальной деятельности, автор чувствовал отвращение к военщине, к физическим упражнениям. Он был убежден, что в человеке все заложено с самого рождения. По своему характеру он был склонен к отрицательной реакции на окружающую среду, к неприспособленности к окружающему миру. Он вспоминает, что находился в оппозиции к «дворянскому обществу, революционной интеллигенции,

литературному миру, православной среде, коммунизму, эмиграции и французскому обществу».

С самого детства Бердяеву была свойственна свобода. Свой внутренний мир он противопоставлял внешнему. Его защитительный эгоизм проявлялся в отвращении к государству и власти. С этим чувством соединялась «господская» психология автора. Но он стремился не к равенству, а к созданию собственного мира. Чувство жизни проявлялось у автора как чуждость мира, неприятие обыденности. Мечта у него противостояла действительности, а физиологическая сторона жизни вызывала брезгливость. Автор считает, что все «представляется зависящим от направленности сознания, от установки духа». Дух, по его мнению, должен бороться с соблазнами духа, выражаемыми в плоти.

Противоречие в человеке представляется Бердяеву естественным. У себя самого он замечал несколько противоречий: сочетание гордости и смирения и соединение гиперчувствительности с душевной сухостью. Также, несмотря на свою асоциальность, он считал себя человеком социальным. Этим объясняется то, что мнение людей о нем часто было ошибочным [1].

Бердяев разграничивает понятия мечты и реализма. Реальный мир представляется ему не настоящим, мгновение времени – неполноценным, а истинным – только вечность. По его мнению, «настоящее достижение есть достижение вечности». Качественным достижением он считает также достижение «личности». Свое «я» представляется ему вне объективного мира. Но это нельзя назвать состоянием иллюзорности, так как окружающий мир воспринимался автором все же «трезво-реалистически». Однако, самого себя он причислял к типу людей, находящихся в дисгармоническом соотношении с мировой средой, не способным принадлежать к чему-либо мирскому. Поэтому более всего его привлекало трансцендентное [1]. И оттого субъективный мир, сформировавшийся под воздействием раннего знакомства с философскими книгами, противопоставлялся им объективному миру.

Тоска по трансцендентному выражает конфликт между жизнью автора в этом мире и трансцендентным. Тоска у него роднится с ужасом. Момент тоски он замечает и в жизненной напряженности, скажем, автору было свойственно испытывать тоску в радостные мгновения жизни, которым противопоставлялся трагизм жизни в целом. Он убежден, что в человеческой жизни есть трансцендентное, вечное, и философия стала для него освобождением от тоски обыденной «жизни», ее «уродства».

Переход Бердяева в революционный мир осуществил его право свободно мыслить, но борьба за это право сменилась в нем жадной философской созерцания. В основе своей философии он и положил свободу, которая является для него первичной в его духовном мировоззрении. По его

мнению, всякое идейное направление посягает на независимость личности и творчества, а «всякая группировавшаяся масса враждебна свободе». Автор не признает истины, навязанной извне, для него есть только освобождающая истина, а все остальное он считает ортодоксией, ограничивающей свободу. Однако пафос свободы породил в нем внутренний конфликт и увеличил его одиночество, так как свобода порождает также страдание. Оно, в свою очередь, выразилось у Бердяева в жалости. Он делал попытки бороться с этим чувством, которое было у него пассивным, причиняющим страдания. Но, в тоже время, с жалостью у него была связана забота, которую не стоит ассоциировать с сентиментальностью. Конфликт жалости и свободы есть для него конфликт нисхождения и восхождения. Но автор никогда не отказывался от свободы из-за жалости. Он делает вывод, что на сочетании восходящего и нисходящего движения, свободы и жалости основано христианство. Но оно было искажено «ортодоксальными» христианами идеей вечных адских мук для того, чтобы управлять человеческими массами и смирять греховные инстинкты. Эта идея, на взгляд автора, превращает жизнь в судебный процесс и «обнаруживает самое мрачное подсознательное в человеке». Учению о вечных адских муках он и противопоставляет чувство жалости.

Бунт Бердяева против несправедливости, насилия над достоинством и свободой человека есть бунт его духа. Но бунтующая воинственность сочетается в нем с тоской, одиночеством, душевной надломленностью. Борение духа в нем вовсе не является сомнением. Единственное пережитое им сомнение – сомнение религиозное, пережитое им тогда, когда им допускалась истинность и верность догматической веры. Сомнение исчезало, когда автор убеждался в неистинности и неверности этой веры. По большому счету, скепсис, сомнение, в представлении Бердяева, «есть ослабление человека и смерть».

В своей внутренней жизни автор придавал значение исканию смысла и исканию вечности. Первое его обращение к исканию истины выразилось в вере в существование истины. Это означало большой духовный подъем автора. Стоит отметить, что ему было свойственно скорее первичное мистическое мироощущение, а не религиозное. Вследствие же духовного переворота у него появилось желание изменить мир согласно истине и смыслу. Связь с душевной и духовной структурой охарактеризовало философию Бердяева как экзистенциальную философию. Центральной ее темой, по словам философа, является тема человека, его назначения и оправдания его творчества.

Свое предназначение философа Бердяев видит в постижении смысла жизни и в изменении ее согласно с этим смыслом. С ранних лет он быстро ориентировался в умственных течениях. Он был равнодушен к логике, но любил метафизику, и это вполне объясняется его верой в «освобождающий характер философского познания». Слабой стороной его мышления была его

малая способность к анализу и дискурсивному развитию мысли, которая являлась у него скорее «интуитивной и синтетичной». Смысл мироздания виделся ему в частном и конкретном, даже если это частное второстепенно.

Познание, по мнению автора, должно быть эмоциональным. Познание, приобщение к тайне углубляет саму тайну, познание рациональное отрицает тайну. Но познавая, можно лишиться иллюзий, сложившихся от незнания, и поэтому знание не всегда приносит только радость, однако дает возможность приблизиться к тайне. Тайна личности в том, считает автор, что первоначальное, неизменное постоянно с течением времени. Таким образом, «этический нормативный идеализм» автора вступал в противоречие со многими идейными течениями, традиционными религиозными убеждениями, марксизмом. Это противоречие было связано с проблемой личности и индивидуальности. Теория познания Бердяева направлена против рационализма, подлинное бытие, по его формулировке, есть первичное бытие до процесса рационализации, а подлинно реальный мир – мир «субъективный и персоналистический» [1].

Касаемо обращения Бердяева к революции, сам он пишет, что ему была ближе революционность духовная, восстающая «против рабства и бессмыслицы мира», то есть она носила у него индивидуальный характер. Политические же революции казались ему духовно реакционными. Но в то же время он считал их неизбежными при отсутствии или слабости творческих духовных сил.

С детства Бердяев чувствовал отвращение к власти и государству, ко всякого рода иерархии в обществе. Ему была присуща «персоналистически-анархическая тенденция». Этим можно объяснить то, что он никогда не стремился занять положение в обществе, в этом же выражалось и его революционное чувство. Оно и подталкивало его в направлении к марксизму, которое казалось ему более перспективным, чем старый русский социализм. Философское обоснование революционного марксизма у Бердяева выражалось в сближении и отождествлении у рабочего класса психологического и трансцендентального сознания. Им была даже выстроена идеалистическая теория мессианства пролетариата.

Особенная чувствительность к марксизму осталась у него на всю жизнь, он ощущал его внутренне. Однако автор вспоминает, что перед ссылкой в Вологду он пережил внутренний переворот, возрастание чувства трансцендентного, и что это переживание немного отдалило его от революционной марксистской среды. В нем начал проявляться духовный кризис, появились интересы, не связанные с марксизмом. Бердяев пишет об остром переживании конфликта между личностью и обществом, о воздействии Духа того времени.

Погружение Бердяева в атмосферу русского культурного ренессанса начала XX века произошло по приезду его в Петербург. Веяния того времени

представляли собой, по мнению автора, своеобразный русский романтизм. Русская интеллигенция переживала творческий подъем, выраженный в развитии философской мысли, поэзии, религиозных исканиях и интересе к мистике и оккультизму. Но вместе с тем, «повсюду разлита была нездоровая мистическая чувственность».

Характерно, что Бердяев, для которого были важны понятия свободы и личности, отчасти противился духовным течениям того времени. Это было его противление смешения личности с коллективной силой, критическое отношение к этой силе. Он делает вывод, что роковые последствия русской революции были связаны с тем, что культурная элита эпохи русского ренессанса начала XX века, представляющая замкнутую в себе коллективную силу, была «оторвана от широких социальных течений того времени», и их вина в том, что это привело к погрому высокой русской культуры. Автор жалеет, что в революции, так долго готовившейся, «восторжествовали элементарные идеи русской интеллигенции». И в результате образовавшегося раскола между «утонченным культурным слоем» и широкими народными и интеллигентскими кругами произошло уничтожение русского культурного ренессанса.

Тема религии у Бердяева выражалась в вере в существование метафизической реальности. Это входило в противоречие с традиционной православной верой, так как ортодоксальные религиозные верования никак не связывались у него с его поиском смысла жизни и вечности. Он считает, что свобода изначально дарована Богом, а понятие греха было образовано вследствие «наслоений мировой необходимости». Также, по мнению автора, к Богу не применимо социологическое понятие власти и могущества. В целом, он считает важным задачу очищения христианского сознания от социоморфизма.

Мысль автора о наличии в христианстве двойственности в отношении к человеку подразумевает то, что человек греховный есть образ и подобие Божие, и поэтому можно предположить существование соизмеримости «между человеком и Богом в вечной человечности Бога». Эта мысль противоположна пониманию отношений между Богом и человеком, объясняемое в религиозной догматике как отношения господина и раба.

Религиозный путь Бердяева, по его словам, был мучительным, драматичным. Больше всего его мучили ортодоксальные понятия о Боге, его страшило предположение, что они могут быть единственно верными. Но им он противопоставлял ожидание Бога от человека «дерзновенного творческого ответа», возлагающего на последнего большую ответственность и тяжесть.

С вопросом об отношении человека к Богу, ответе человека Богу у Бердяева связывается вопрос о творчестве. Творчество, по его мысли, оправдывает человека и может быть следствием переживания греховности. Оно понимается автором как «потрясение и подъем всего человеческого

существа, направленного к иной, высшей жизни, к новому бытию». Кроме того, философу чужда идея прямого, непрерывного развития творчества.

Автор соглашается с той мыслью, что творческий акт нуждается в материи, но вместе с тем он содержит в себе новизну, «не детерминированную миром извне». Несомненно и то, что в своей первоначальной чистоте творчество направлено на преобразование жизни и мира. Оно есть продолжение миротворения. Однако в материальном мире достижимо только символическое творчество, «дающее лишь знаки реального преображения». С этим связаны несимпатии Бердяева к классицизму, так как в нем допускается возможность «имманентного совершенства в конечном».

Творческий подъем являлся для автора книги шансом выйти за рамки действительности, приблизиться к трансцендентному. Творческий процесс погружал его в мир, свободный от тяжести и власти обыденного. Момент духовной активности виделся Бердяеву в созерцании. По его мнению, созерцание высшего и прекрасного может преодолевать состояния борьбы, конфликта, мучительного противления. Ужас эпохи виделся ему в динамизме, непрерывном активизме, превращающем человека в механизм.

Бердяев пишет, что русская революция была неизбежна и справедлива, хотя и предполагал, что в ней победят экстремистские и враждебные культуре и духу элементы. Он считал, что революция есть тяжелая болезнь, которая «свидетельствует о недостатке положительных творческих сил». Кроме того, непосредственно революция оказалась неподготовленной, запоздалой, все предreshило разложение старой плоти, и в этом есть что-то роковое.

Большевизм представлялся автору неизбежным моментом судьбы русского народа. Но ему ясно виделось моральное уродство большевиков, которые, по его наблюдению, представляли собой новый, ранее не встречавшийся в русском народе, антропологический тип, не имеющий ничего общего со старой революционной интеллигенцией. Ответственность за революцию он возлагает на христиан, не исполнивших своего долга.

Большевистская революция охарактеризовалась борьбой не за свободу, а за могущество. Она не признавала существование духа, считала его препятствием. Она же прервала традицию русского культурного ренессанса начала XX века. На фоне этого Бердяев объединил оставшихся деятелей культуры и образовал Вольную академию духовной культуры, которая стала центром свободомыслия. Образование академии стало попыткой ожидания процесса перерождения коммунизма, тем более в Бердяеве еще теплилась вера в духовное возрождение России.

В 1922 году Бердяев эмигрировал в Германию. Он вспоминает, что представители русской эмиграции недружелюбно отнеслись к группе высланных, он характеризует их маниакально настроенными против большевизма. Совершенно иное было отношение немцев.

Свою двухлетнюю жизнь в Берлине автор называет введением в западную жизнь. Им чувствовалась имманентность собственной культуры и культуры западной. Однако главное отличие Запада от России, по его мнению, рационализированность и организованность, европейцы кажутся ему придавленными цивилизацией.

В целом, Бердяев чувствовал себя отчужденно по отношению к эмигрантской среде, к «правым» течениям. Вскоре он начал принимать активное участие в христианском движении молодежи, но и здесь отношение к нему было как к человеку чуждой духовной культуры. Не сложилось единомыслия и с пореволюционными течениями. Несмотря на это, автор отмечает, «что чувство чуждости, связанное с активностью, иногда доставляло ему своеобразное наслаждение».

Свобода, которая открылась Бердяеву на Западе, вскоре показалась ему «порабощенной духом Великого Инквизитора». По его размышлению, задача радикального преобразования мира вполне может быть выполнена русскими.

Роль Бердяева в русской философской мысли выражается в том, что он боролся за свободу личности, духа, выработал собственные взгляды на русскую революцию. Так, например, Бердяев считал, что революция и приход к власти большевиков были неизбежны. Так, он говорил, «русская революция имеет какую-то большую миссию, но миссию не творческую, отрицательную – онадолжна изобличить ложь и пустоту какой-то идеи, которой была одержима русская интеллигенция и которой она отравила русский народ». Именно поэтому, он отрицательно относился к новой власти, а выразителем свободного и чистого духа он объявлял истинный русский народ, крестьянство.

Касаясь религиозных воззрений Бердяева, можно сказать, что он верил в существование некой метафизической реальности, что во многом противоречило православным канонам. Помимо этого, он отрицал ортодоксальные воззрения религиозных догматиков.

Он считал, что человек от природы наделен творческим началом. Само творчество он понимал, как «потрясение и подъем всего человеческого существа, направленного к иной, высшей жизни, к новому бытию», направленные на изменение и преобразование мира в целом. Поэтому, творчество у Бердяева связывалось с трансцендентной реальностью. Таким образом, Бердяев стал выразителем не только идеологических взглядов, но сыграл большую роль в становлении религиозно-христианской философии.

Список использованной литературы

1. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. – М.: Международные отношения, 1990. – 336 с. – Режим доступа: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1940_39_02.htm.

Информация об авторе: *Литвякова Лариса Александровна* – аспирант, кафедра философии и методологии науки, Иркутский государственный университет, г. Иркутск; e-mail: litlaramusic@mail.ru.

Author: *Lityyakova Larisa Alexandrovna* – post-graduate student, Chair of Philosophy and Metodology of Science, Irkutsk State University; e-mail: litlaramusic@mail.ru.

УДК 372.893

С.Е. Иванов

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА В ШКОЛЬНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

В статье рассматривается место и роль региональной истории в системе школьного исторического образования. Анализируются методологические и методические подходы, нормативные аспекты, сложившиеся в Российской Федерации, к изучению региональной истории. Обосновывается необходимость целенаправленной деятельности в Иркутске и Иркутской области ученых историков, учителей, органов управления образованием по разработке и реализации регионального компонента в системе школьного исторического образования, создании рабочих программ, учебников, учебно-методических изданий.

Ключевые слова: школьное историческое образование; региональная история; региональный компонент; методика обучения; историко-культурный стандарт; рабочая программа.

S. E. Ivanov

TO THE QUESTION OF THE DEVELOPMENT OF A REGIONAL COMPONENT IN SCHOOL HISTORICAL EDUCATION

The article considers the place and role of regional history in the system of school historical education. The article analyzes methodological and methodical approaches, normative aspects, developed in the Russian Federation, to the study of regional history. The necessity of purposeful activities in Irkutsk and Irkutsk region, scientists, historians, teachers, education authorities develop and implement a regional component in the system of school historical education, job creation programs, textbooks, educational and methodical publications.

Keywords: school historical education; regional history; regional component; teaching methodology; historical and cultural standard; work program.